

КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ САХАЛИНА: НАРОДНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ

Иванова Алина Павловна

доцент кафедры дизайна архитектурной среды,
ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»,
Россия, Хабаровск, e-mail: iva.nova@mail.ru

УДК: 72.03

ББК: 85.113(2)

Аннотация

Сахалин представляет собой уникальное культурное пространство, в течение одного поколения дважды пережившее смену идентичности (с русской на японскую и обратно), но остающееся практически не изученным в этом качестве. Автор на основе материалов недавних экспедиций и малоизвестных за пределами Дальнего Востока источников предлагает панорамный обзор народной архитектуры Сахалина, ее развития и трансформации за последние полтора века, с особым вниманием на включение японского периода в «культурный код» Сахалина. Основным выводом заключается в том, что современная архитектура региона продолжает нести на себе отпечаток как русского дореволюционного, так и японского влияния.

Ключевые слова:

Сахалин, Карафуто, народная архитектура, кросс-культурная архитектура

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00537.

Сахалин – удивительный, невероятный эксперимент по двойному культурному перекодированию: русский остров, наполовину переданный японцам в 1905 г. и снова вернувшийся к русским в 1945. Вряд ли на территории нашей страны можно найти подобный пример радикальной смены культурной матрицы: сквозь японский Сахалин сквозят русские остроги и посты, в советском Южно-Сахалинске отчетливо читается ортогональная структура бывшего Тоёхара.

Рассмотрим отдельные этапы развития архитектуры Сахалина, не претендуя на полное освещение заявленной темы. Статья написана по впечатлениям, полученным в ходе экспедиций лета 2019 г., поддержанных грантом РФФИ. Основным объектом нашего исследования была «народная» архитектура, в самом широком понимании этого слова («там, где живет народ»). Но, погрузившись в историю сахалинской архитектуры, мы были поражены совершенно неожиданными сюжетами, которые подтолкнули нас к попытке реконструкции культурных ландшафтов этого удивительного острова.

Дальневосточная колонизация была двух видов: континентальная и морская. Говоря о Сахалине, мы будем ссылаться на два других важных форпоста морской колонизации: Николаевск-на-Амуре и Петропавловск-Камчатский.

Главным сахалинским нарративом является книга А.П. Чехова [1]. Основным источником визуальной информации о первом, русском, этапе освоения Сахалина (как, впрочем, и всего остального восточного фронта от Сретенска до Корсакова) служит трехтомный альбом

фотографий В.В. Ланина 1874–1878 гг. [2]. Альбом был выложен на сайте конгресса США, скачен русскими пользователями и размещен на многих ресурсах.

При работе над статьей, помимо классической литературы фронта, использовались отличные, но, к сожалению, малоизвестные за пределами региона, монографии и публикации местных энтузиастов-краеведов и профессиональных историков [2–7]. Эти издания, пронизанные пафосом регионального патриотизма, написаны на основе десятилетий архивной работы и содержат уникальный фактологический материал; кроме того, они транслируют взгляд «изнутри», позволяющий увидеть и оценить культурный ландшафт с точки зрения автохтона, постоянного «глубинного» жителя. Некая субъективность, уверенность в несомненном эстетическом значении локального исторического наследия, в высшей степени присущая авторам краеведческой литературы и экспозициям местных музеев, служит противовесом отстраненному, поверхностному и отчасти скептическому взгляду участников экспедиции, которые пытались получить хотя бы общее представление о соотношении исторической и современной застройки дальневосточных городов. Контраст между мелкомасштабным, кропотливо собранным по крупинкам информации, описательным краеведческим проектом и имперским взглядом колонизатора-первопроходца позволяет создать стереоскопическую оптику: меняя настройки масштаба, то концентрируясь на частностях, то переходя к глобальным обобщениям, мы пытаемся получить более или менее цельную картину формирования дальневосточной народной архитектуры.

Первый этап освоения острова.

Морская колонизация Дальнего Востока началась с Сахалина, освоение которого было связано с разведкой на острове каменного угля высокого качества. Парусный флот сменялся пароходами, и уголь стал важнейшим стратегическим ресурсом. Именно необходимостью рабочих рук для угольных шахт и карьеров («ломок») было инспирировано решение об организации сахалинской каторги (1869). Благодаря Чехову в массовом сознании прочно закрепилась «черная легенда», но на севере Сахалина с середины 1860-х гг. развивалась оригинальная и выразительная деревянная архитектура, поражающая своей «неуместностью» в окружающем контексте. Надо отметить, что восточное побережье в 1840–1860-е гг. было весьма бойкой акваторией, где курсировали французские и британские эскадры, американские суда и бесчисленные японские джонки. После заключения русско-японского договора (1855) о совместном владении островом начинается интенсивная колонизация Сахалина, идущая с северного (Александровский пост, 1884) и южного побережья (Муравьевский пост) в глубь территории, в плодородные, защищенные от ветра долины.

Особенностью сахалинского культурного ландшафта являлось отсутствие социальной сегрегации «по материалу», типичное для материковых городов, где «пространства власти», символически замещающие центр метрополии, застраивались каменными (кирпичными) зданиями, а народ расселялся в деревянные избы и лачуги. На Сахалине (как и в Николаевске-на-Амуре) все строилось из бревен, отчего возникает ощущение несколько абсурдной, принимая во внимание специфику острова, эгалитарности ландшафта. В береговой архитектуре раннего фронта при желании можно обнаружить отголоски свайных построек местных туземцев (айнов). Особенно это характерно для Дуэ, первого русского поста, основанного в 1857 г. (французский топоним напоминает об интернациональном освоении острова).

Этот крошечный поселок хорошо известен благодаря чеканной характеристике Чехова: «Дуэ, – страшное, безобразное и во всех отношениях дрянное место». Однако именно в Дуэ имелись очень интересные объекты береговой архитектуры, не имеющие дальневосточных аналогов:

причалы угольных шахт, входные группы которых оформлялись с расчетом на обзор с борта приближающегося судна. Судя по фотографиям, главная улица поста, идущая от берега вглубь распадка, была застроена аккуратными одноэтажными мазанками в два окна, перспективу замыкало здание церкви, от которой в две стороны расходились проезды, ведущие в слободки. План «бывшей столицы сахалинской каторги» (по замечанию Чехова) напоминал букву Y: центр Дуэ произвел на писателя впечатление «небольшой старинной крепости: ровная и гладкая улица, точно плац для маршировки, белые чистенькие домики, полосатая будка, полосатые столбы; для полноты впечатления не хватает только барабанной дроби», а жилые слободки (еврейская и безымянная, со «всякими тюремными постройками») расстроили писателя: «в обеих, особенно в левой, тесно, грязно, неудобно; тут уже нет белых чистеньких домиков; избышки ветхие, без дворов, без зелени, без крылец, в беспорядке лепятся внизу у дороги, по склону горы и на самой горе. Участки усадебной земли, если только в Дуэ можно назвать ее усадебной, очень малы» [1, с. 100].

Народная архитектура: от землянки к избе и барраку.

Основным источником информации о сахалинской вернакулярной протоархитектуре 1870–1890-х гг. являются работы М.И. Ищенко [2; 3]. В ее статьях представлены результаты полевых исследований селений Александровского и Тымовского районов, где был наиболее благоприятный климат и где относительно охотно селились колонисты. Ищенко отмечает, что особенностью уклада в этих селениях являлись однопоколенческие семьи (осевшим на острове бывшим каторжанам было проблематично выписывать с материка далеких родственников [3]; впрочем, то же самое можно сказать о всех переселенцах на восточные территории, которых разделяли с местами исхода десять тысяч километров), что вело к упрощенной структуре организации усадеб. К 1880 г. юг Сахалина, более пригодный для жизни, чем северная часть, был почти безлюдным: половина трехтысячного населения сконцентрировалась в Дуэ – этот пост был негласной столицей острова, около 600 человек проживало на Александровской ферме, остальные ютились по долинам и распадкам. Микроклимат Тымовской долины позволил организовать там зачатки сельского хозяйства, постепенно население стало прирастать вольнопоселенцами. «Принципиального отличия между жильем вольного и подневольного населения не было», пишет М.И. Ищенко [3, с. 3], то же самое можно сказать о советской барачной застройке (лагерные и «городские» бараки не слишком отличались друг от друга планировочным решением и уровнем комфорта). Так как Тымовская долина не входила в наши экспедиционные маршруты, мы кратко перескажем основные характеристики вернакулярного жилья в этой локации, опираясь на анализ, проведенный М.И. Ищенко. В первых же усадьбах колонистов дома строились большими, просторными, хорошо освещенными, с «галереями», оформляющими входные группы. Внутренние помещения делились на две половины: холодную (сени) и теплую «чистую». М. Ищенко отмечает, что даже самые первые поселенцы в Дуэ «не ограничивались однокамерными постройками, а возводили двух и трехкамерную связь», к срубам пристраивались «навесы, галереи, рундуки», оживляющие общий вид. В Тымовской долине дома рубили с «остатком» («в чашу»), с выпуском венцов и реже «в лапу». Нижние венцы укладывались на деревянные столбы или большие валуны [3, с. 4–5]. Подклеты были редки, но завалинки устраивались повсеместно, их до сих пор можно заметить на уцелевших постройках.

Площадь жилых построек начиналась от 20 кв. м., объемно-пространственная композиция за счет длинных сеней, тянувшихся вдоль всего бокового фасада, приближалась к квадрату. Иногда к сеням пристраивалась кладовая, что еще больше расширяло контуры сооружения. Площадь сеней нередко достигала 20 и больше кв. м., что превращало их в полноценную половину дома.

При обычной для вернакулярного жилья небольшой высоте, сахалинские усадьбы до сих пор производят «приплюснутое» впечатление. Обязательным элементом, вокруг которого конструировалось жилое пространство, являлась русская печь. Дома часто горели, но вокруг уцелевших печей довольно быстро возводились новые. Первоначально крыши делались двускатными, с высоким треугольным фронтоном, крылись тесом и корой; четырехскатные стропильные крыши «ставились на большие дома-крестовики» [3, с. 6]. Постепенно под влиянием «господской» архитектуры стали появляться более плоские вальмовые формы.

В связи с большим количеством выходцев из южных губерний на Сахалине, как и в Приморье, получают распространение обмазка стен глиной и побелка, что являлось типичным для вернакуляра воспроизведением традиции места выхода, не имеющей функционального значения, но отвечающей эстетическим убеждениям хозяев домовладения.

Ищенко пишет, что «население Сахалина очень мало внимания уделяло внешнему оформлению построек. Из архитектурных деталей дома можно выделить только крыльца, впрочем, и они не отличались большим разнообразием и живописностью... Декоративное убранство жилищ скупо... Резьба наличников отличается большой простотой» [3, с. 7]. Наши полевые исследования пригородов Южно-Сахалинска (а также Невельска и Корсакова – небольших городков, расположенных на южной оконечности острова и отделяемых от Японии проливом Лаперуза) полностью подтверждают приверженность этой традиции. Более аскетичной вернакулярной архитектуры мы, объехав с экспедициями весь ДВФО (кроме северных областей), не встречали.

Обратимся к другому очагу раннего сахалинского вернакуляра – деревне Владимировке, основанной в 1882 г. в широкой Сусунайской долине. Благоприятное местоположение превратило эту локацию последовательно в столицу японской провинции Карафутто и советский Южно-Сахалинск, исполняющий с 1945 г. функции административной столицы острова. Сегодня Владимировка – довольно мрачноватое предместье Южно-Сахалинска, резко контрастирующее с репрезентативной застройкой новой субурбии, образованной на противоположном краю города и растянувшейся вплоть до аэропорта. Информацию о первом этапе развития Владимировки мы почерпнули из статьи А.И. Костанова, опубликованной в Краеведческом бюллетене Сахалинского областного краеведческого музея в 1993 г. [4], и рассказа А.П. Чехова, посетившего Владимировку в 1891 г., а также дополнили собственными наблюдениями (рис. 1).

В 1893 г. во Владимировке было 46 дворов, 13 бань и две водяные мельницы, установленные на горных речках, откуда жители брали воду. Селение своим «крепким видом» напоминало «тысячи таких же русских сел и деревень где-нибудь в Сибири» [4, с. 50], но, судя по уцелевшим постройкам, тяжелая «родовая травма» Сахалина давала о себе знать. Владимировка производит гнетущее впечатление быть может и потому, что вековые хвойные леса, окружавшие некогда долину, были полностью вырублены японцами.

а

б

в

Рис. 1. Южно-Сахалинск. Первое поселение русских колонистов (отбывших срок каторжников) – деревня Владимировка на Черной Речке, входящая сегодня в городскую черту. Остатки русской застройки начала XX в. Фото А.П. Ивановой, 2019

Дальневосточная колонизация, помимо способов транспортировки, различалась и степенью свободы – добровольной и принудительной. Рассказ о народной архитектуре Сахалина подразумевает упоминание о каторге, которая до 1906 г. была главным фактором экономического и социального развития острова. Потоки заключенных, доставляемых на Сахалин морским путем для работы на угольных шахтах, служили основой будущего российского населения острова.

Особенностью сахалинских каторжных барачных домов были большие окна, дававшие много света и обеспечивавшие аэрацию камер. «Городского» вида окна без ставней стали основной чертой сахалинской народной архитектуры, сохранившейся до сих пор, о чем уже говорилось. Оставшиеся на поселение бывшие каторжники, строя себе дом, воспроизводили привычные оконные проемы. Более цивилизованной разновидностью барака была деревянная казарма. На Сахалине из-за отсутствия камня и кирпича строили оригинальные деревянные казармы, напоминающие своим обликом деревянную гарнизонную архитектуру Николаевска-на-Амуре, что наводит на мысль о едином типовом проекте.

Утраченная архитектура восточного фронта.

Александровск-Сахалинский с 1884 г. считался административным центром Сахалина. Чехов упоминает, что «барон А. Н. Корф как-то в разговоре назвал Александровский пост сахалинским Парижем» [1, с. 58], и это сравнение не кажется таким уж абсурдным если принять во внимание активную одновременную французскую колонизацию Индокитая. В Сайгоне, например, возводились роскошные объекты (сити-холл, почтамт, опера) в лучших традициях боз-арта, так как именно архитектура была главным средством репрезентации метрополии. Исходя из этих же соображений, администрация застраивала Александровск иконическими объектами, до сих пор удивляющими неординарным архитектурным обликом (напоминаем читателям, что от исторической застройки Александровска сохранилось буквально два-три дома, все рассматриваемые объекты уничтожены). Именно отсутствие камня и бесплатная рабочая сила (каторжане занимались действительно каторжной работой – вырубкой, корчеванием, переносом бревен, была специальная категория – древоносы, и, разумеется, – строительством) спровоцировали расцвет деревянной архитектуры Сахалина, которая, увы, оказалась такой же уязвимой, как и «бумажная» архитектура японского периода (рис. 2).

а – причал с триумфальной аркой

б – первая сахалинская таможня, демонстративно декорированная в русском стиле, установленная на высоком бревенчатом пирсе

в – первая сахалинская таможня, демонстративно декорированная в русском стиле, установленная на высоком бревенчатом пирсе

г – почтово-телеграфная контора. Длинное одноэтажное здание, обшитое досками, имеет две композиционные оси главного фасада, выделяющие центральную часть полукруглыми фронтонами, совершенно не типичными для деревянной архитектуры

д – деревянные казармы

Рис. 2. Александровск-Сахалинский – главный форпост русской тихоокеанской колонизации. Эксперименты в рамках широко трактуемого «русского стиля». Реконструкция А.П. Ивановой

Главным зданием Александровска являлся Дом начальника (с 1896 г. – военного губернатора) острова Сахалин (рис. 3). Это первый из трех деревянных дальневосточных сити-холлов (объекты, построенные в Николаевске-на-Амуре и Петропавловске-Камчатском, рассмотрим далее), намечавших основную траекторию развития возможного «дальневосточного стиля». Г-образное в плане одноэтажное здание, поставленное на кромке рельефа, обращено к городу двухэтажной граненой (шестерик на восьмерике) башней под сложносоставным плоским шатром. Каждую грань башни венчает треугольный фронтон. Высокая скатная кровля прорезана многочисленными мансардными окнами, которые вместе с башенным завершением придают ординарному срубному строению (элементарному бараку) живописный силуэт. Пластику фасада обогащает веранда с резными перилами (это единственный элемент пропиленной резьбы, украшающий рассматриваемое здание), огибающая по периметру центральную часть сити-холла. Навес на столбах с мощными кронштейнами создает живописную светотень; к главному входу ведет деревянная лестница, спускающаяся к подножию косогора. Архитектурное решение сахалинского сити-холла напоминает постройки русского Дальнего, где формировалась более ориентальная версия «дальневосточного стиля» на основе фахверка, стиля тюдор и chinoiserie (все это органично интегрировалось с русским стилем и ар-нуво) (рис. 4).

Рис. 3. Александровск-Сахалинский. Дом Военного губернатора. Реконструкция А.П. Ивановой

Рис. 4. Для сравнения вспомним здание Городской думы и управы Николаевска-на-Амуре: Г-образный план, эффектные двухэтажные фасады с дозированным применением «национального» декора. Реконструкция А.П. Ивановой

Самое оригинальное архитектурное решение из всех репрезентативных объектов Александровска-Сахалинского имела военная управа, построенная в 1905 г. рядом с прекрасной Покровской церковью (1891–1893) в совершенно неожиданном для контекста ориентальном стиле. Это большое одноэтажное здание с планом в виде буквы «П» и внутренним двором-курдонером. Главные фасады – обращенные к берегу и на красную линию центральной улицы – фланкировались восьмигранными ризалитами (отчасти напоминающими башни первых деревянных крепостей) под совершенно фантастическими громадными «индийскими» куполами и шпилями, однозначно отсылающими к Королевскому павильону в Брайтоне (а в отечественной традиции – к курортной архитектуре Кисловодска и Крыма). Композиционным центром главного фасада был невысокий квадратный в сечении башенный объем, перекрытый сложным купольным завершением с флагштоком; входная группа, расположенная на оси симметрии трехчастной классицистской композиции фасада, оформлялась сильно вынесенным вперед навесом на колоннах. По всему периметру фасады были прорезаны высокими и очень

тесно поставленными окнами характерной «готической» формы в резных обрамлениях. Если учесть, что военная управа, как и весь остальной Александровск, была возведена из бревен, смелость архитектора поражает. Это единственный известный автору пример деревянного «мавританского» стиля в нашем регионе.

Градообразующим объектом Александровска, который начинался как сельская ферма и военный пост, после принятия решения об организации на острове каторжных работ (1869), стала тюрьма. Главное здание тюремной администрации (рис. 4), типологически восходит к укрепленным входным группам русских острогов; там, где обычно находилась надвратная часовня, размещался «висячий» эркер, смотровая башенка, напоминающая одновременно и маяк, и пожарную каланчу (рис. 5, 6).

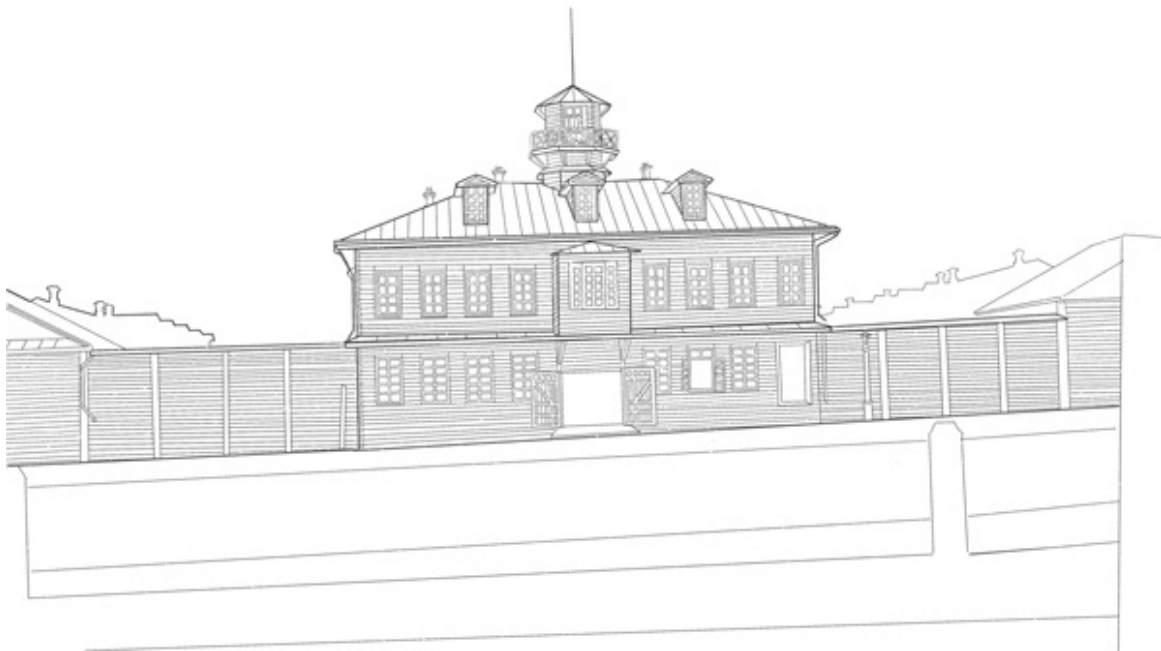

Рис. 5. Деревянная архитектура Александровска-Сахалинского. Реконструкция по историческим фотографиям А.П. Ивановой

В центре Александровска стояла большая тюремная больница, которую можно рассматривать как смелый эксперимент по развитию деревянного национального модерна.

Рис. 6. Деревянная архитектура Александра-Сахалинска. Больница. Реконструкция по историческим фотографиям А.П. Ивановой

Так же, как и в Николаевке-на-Амуре, развитие деревянной архитектуры 1860–1890-х гг. было в силу исторических причин приостановлено, и лучшие образцы сахалинского деревянного зодчества погибли, не оставив образца для подражания. Процесс трансляции «высокой» культуры в низовой «народный» слой был оборван, замечательные эксперименты на основе сруба (Александровск-Сахалинский) вытеснилось из коллективной памяти. Русский стиль, распространенный на острове в XIX в. после полувекового режима Карафута и советской модернизации, исчез без следа.

При работе над второй частью статьи мы опирались в основном на устные воспоминания потомков первых советских колонистов и собственные полевые исследования. Что касается краеведческой литературы, в первую очередь следует упомянуть книги И.Самарина [5–7]. Большое количество исторических фотографий эпохи Карафута размещено на сайте «Старый Сахалин»* (рис. 7).

а – Застройка улиц в г. Тоёхара (с 1945 г. – Южно-Сахалинск) периода Карафута. «Бумажные» двухэтажные дома

б – деревянная жилая «протоархитектура» в русском предместье Тоехора – Владимировке, сохранившемся с первого («каторжного») периода освоения острова

Рис. 7. Перекодирование культурного ландшафта Сахалина. Графическая реконструкция А.П. Ивановой на основе фотографий периода Карафута

К 15-летию советизации северного Сахалина был издан сборник материалов о «Дальневосточном Баку» [8], под этим образным топонимом подразумевалась Оха. Так как издание достаточно редкое, приведем несколько цитат, описывающих освоение нефтеносной провинции в 1929 г. Колхозник Е. Горшунов, приехавший на Сахалин в 1926 г. и сначала работавший у концессионера, рассказывая о строительстве села Некрасовка, начинает с того, что в 1928 г. он вместе с семьей переехал в бухту Поморы на северном берегу Сахалина, где «в то время не было никакого жилья и прямо в море упиралась тайга. Поставив временно палатку, мы вместе с женой стали рубить лес и строить землянку» [8, с 26]. К 1930 г. «услышав звон топора» (оставим эти литературные изыски на совести журналиста, записавшего устные мемуары колхозника Горшунова) тринадцать семей переселились в Поморы и организовали кооперативную артель «Бедняк», переименованный в «Красную зарю». Рассказчик с плохо скрываемым ужасом вспоминает каторжный труд («лошадей не было, все делали вручную»), но уверяет, что сегодня, десять лет спустя, у него рубленый дом, огород, скотина и птица, а по выходным он ходит в красный уголок послушать патефон.

Не менее драматичны воспоминания первых колонистов Охи, шестеро суток добравшихся из Владивостока на зафрахтованном китайском корабле «Шанхай». Вместо города, который

рисовало им воображение, вдохновленное умелой пропагандой, они увидели голый берег, но не пали духом, а «построили для себя полотняный городок». Некто Н. Волгин в очерке «Тайга отступила» [8, с. 30], упоминает, что поселок Оху не даром называли «ситцевой, иначе ее и назвать было нельзя, так как большинство рабочих жили в палатках, где приходилось и зимовать». Убедившись в катастрофичных последствиях подобных зимовок, охинцы «начали закладывать один дом за другим... Загудела тайга, затрещала, стала отступать метр за метром», – романтично описывает Волгин процесс лесоповала и корчевания, уверяя, что за две пятилетки Оха из «когда-то дикой и неприветливой стала родным культурным городом». Действительно, на приведенном рядом снимке нет ни намека на шумевшую когда-то тайгу, все вырублено, на открытой ледяным штормам пустоши проложен проспект, огороженный забором из бревен. Можно разглядеть одноэтажный типовой барак с печным отоплением, рассчитанный на две семьи, и двухэтажный многоквартирный дом. Видны телеграфные столбы, беседка под плоским куполом и скамейки среди свежесаженных кустов. В 1950 г. в Охе проживало уже 30 000 человек, там были построены «школы, техникум, амбулатория, клубы, библиотеки и избы-читальни». Оху торжественно провозгласили «несокрушимым дальневосточным форпостом», построенным за три пятилетки на месте непроходимых тайги и болот [8, с. 23].

Демонстрация успехов была необходима – южный Сахалин до 1945 г. оставался японским и жилищные проблемы решались там совершенно другими способами, с чем были вынуждены столкнуться первые советские колонисты, которые стали прибывать на Сахалин в 1946 г. Цитируем «устные мемуары» волонтера проекта: «Мои предки приехали на Сахалин в 1948 г. Их выгрузили прямо с баржи в пос. Надеждино (Чива). И поселили всех сначала в японской школе и конюшне». Переселенцев доставляли в 1946–1948 гг. на юг Сахалина не только баржами и пароходами, но и более затратным способом. Из Хабаровска летали специальные рейсы гидросамолетов (хабаровский гидропорт находился в районе выхода Кавказской улицы к Амуру). Сначала ехали мужчины – осматривались, примерялись к бытовым условиям, затем перевозили семьи. Жизнь в бывшей японской провинции воспринималась как долгосрочная командировка. Несмотря на прекрасное снабжение и высокие зарплаты, многие пытались вернуться на материк «из-за тяжелого климата». Но тяжелой прежде всего была эмоциональная обстановка. Советских колонистов заселяли в японские дома – деревянные, небольшие, но казавшиеся просторными (по воспоминаниям, семье с 4 детьми было свободно) из-за эргономичной планировки и полупрозрачных раздвижных перегородках. Везде были выдолбленные из дерева большие ванны, куда носили воду из колонок. По свидетельствам первых колонистов, японцам было очень жаль свои дома, но они говорили русским: «Вы хорошие люди, мы доверяем вам свое жилье». Все вспоминают, что японцы не закрывали двери («у японцев ничего не запиралось, даже магазин, и наши немедленно экспроприировали там все спиртное») и по-доброму относились к переселенцам, охотно помогали в сложных ситуациях (вспоминают японскую акушерку, помогавшую в Макарове русским роженицам), хорошо знали бытовой русский язык (в отличие от русских, которые не стремились учить японский язык) и любили (или делали вид, что любили) русскую кухню. Огородов они не держали (что поражало русских), вокруг домов росла выстриженная трава, никакой живности не разводили, питались морепродуктами (основным местом работы были шахты). Советские переселенцы сразу завели поросят, кур и прочую скотину, загромождая дворы подсобными постройками.

Переселенцев, выгруженных с барж, селили в японские постройки – школы, конюшни, жилые дома. Все японские строения были буквально фанерными и без привычного для русских печного отопления. Поэтому русские строили печки на отдельном фундаменте и устраивали завалинки, т.е. на полметра от земли делали вторую стенку и промежуток засыпали опилками или шлаком. Многие японские дома и бараки обивали для тепла толем. Типичная планировка японского дома, по воспоминаниям местных жителей, выглядела так: «вначале терраса (веран-

да), потом типа прихожей, где есть раковина. Оттуда две двери – в жилую часть и в коридор, откуда идут двери в сарай, потом в туалет, а в торце – дверь на огород. Жилая часть разная бывает, допустим, налево в кухню и в кладовку, направо – две смежные комнаты. Прихожая может быть без потолка, то есть очень высокая, со стропилами. А комнаты низкие и там могут быть антресоли или типа второй полуэтаж». Дома были «с выносом крыши, раздвижными дверями, террасой и туалетом прямо внутри дома, в конце длинного и сложного коридора».

Для того чтобы понять, что же случилось с архитектурно-градостроительным наследием Карафутто, предлагаем ознакомиться с балладой Сергея Феоктистова, напечатанной в газете «Красное знамя» 01.11.1946 г. Эти стихи были найдены и опубликованы сахалинским историком-краеведом. Понимая малозначимость повторной републикации, мы, тем не менее, решились привести целиком и подробно разобрать этот поразительный документ эпохи.

*Вчера лишь слезли с парохода они на эти острова.
И вот проснулись до восхода и засучили рукава.
В ладони дружно поплевали, перекурили у горы.
И заиграли-засверкали их огневые топоры.*

Действительно, судя по свидетельствам современников, советские колонисты, едва ступив с трапа на берег, брались за топоры, чтобы вырубить в тайге опушку и успеть построить до зимы хотя бы землянку («Днем копали тямками целину, а вечером рубили лес и строили жильё» [8, с. 26]). Однако жертвой «огневых топоров» становится не вековая тайга, а японский жилой фонд:

*Четыре взмаха – точных, верных, и он рассыпется, смотри,
Японский домик из фанеры, бумагой латаный внутри.*

Упоминание фанерно-бумажного домика достаточно реалистично. Все, кому довелось жить в «трофейных» японских домах, помимо удобной планировки вспоминают легкие подвижные перегородки купейного типа, скользящие по направляющим и обклеенные рисовой бумагой. Для русских прозрачные перегородки были непривычны, так как не создавали ощущение приватности, но больше всего новых хозяев поразило отсутствие печей. Домики насквозь продувались и промерзали. Японцы грелись переносными жаровнями (технология, описанная еще в «Записках у изголовья»), но для русских такой вариант был неприемлем, поэтому все доставшиеся строения если и не сносили оптом, то перестраивали для того, чтобы возвести привычную кирпичную печь.

Однако вернемся к балладе Феоктистова. Один из крушителей архитектурного наследия Карафутто («отличный плотник костромской») :

*Сказал, фанеру разбирая: «..У нас скворечники прочней.
И как в них жили самураи? Смешные вкусы у людей».*

Старший товарищ объясняет, что японцы «чужие были здесь», а мы, мол, пришли на века, поэтому вместо японских скворечников «...встают парадом»,

*Как в светлой сказке терема: сосновые, с резным фасадом,
С крылечком, с русским палисадом все пятистенные дома.*

Пятистенный дом – это небольшая изба, поделенная на две части (помимо детей и прочих домочадцев, тут же зимовал приплод домашней скотины). Несколько сомнительно звучит упоминание сосны в качестве строительного материала – на Дальнем Востоке предпочитали лиственницу, которая не подвержена гниению. Что касается резных фасадов, мы тщетно искали их во время экспедиции на юг Сахалина. Полное отсутствие резьбы на избах местные жители несколько туманно объясняли сильными снегопадами, – «снег все оборвет».

Завершается баллада Феоктистова победно:

*Их окна, светлые, прямые, с улыбкой смотрят в облака.
Здесь утверждается Россия не на года, а на века.*

На самом деле, советские колонисты долгие десятилетия продолжали жить не в «светлых русских теремах» с крылечками и палисадниками, а в японских домиках, школах и подсобных помещениях, кастомизируя и «приручая» их на свой лад. Волонтер проекта кандидат исторических наук Юлия Ковалевская, родившаяся в Шахтерске (яп. Торо) в 1967 г. в семье библиотекаря, вспоминает детство, проведенное в японском бараке. В таких же бараках располагались городская администрация и милиция до середины 1970-х. Японские шахты и бумажные заводы работали до середины 1990-х, японскую узкоколейку разобрали только в августе 2019 г., а водопровод, оставшийся от эпохи Карафутто, по некоторым сведениям функционирует до сих пор. Карафутто получил статус не колонии, а внутренней губернии, поэтому там была красивая качественная застройка.

Японская архитектура за редкими исключениями уничтожена, но нарезка кварталов осталась. Несколько поколений советских переселенцев выросло в японских «бумажных» домах, и этот «культурный код» накладывает характерный отпечаток на местный вернакуляр: общая монохромность, лаконизм, крупные членения, каркасы – все это отчетливо читается в пригородах Южно-Сахалинска. Современная частная жилая застройка практически полностью лишена не только конкретных исторических аллюзий, но и элементарного декора. Крайне лаконичные объемно-пространственные решения коттеджей (кубы под четырехскатной кровлей), неуловимая чужеродность пропорций, размеров и очертаний оконных проемов – все это делает сахалинские субурбии совершенно непохожими на другие дальневосточные города. Русские, корейцы и «новые переселенцы» из бывших советских республик живут рядом, но воспроизводят разные уклады: местные информанты уверяли, что участки корейцев все в цветах и теплицах, а выходцы из Средней Азии «сплошь асфальтируют дворы и там нет ни травинки» (рис. 8).

Постоянным фоном жизни на Камчатке и Сахалине является память о сокрушительных землетрясениях и цунами, что формирует ощущение непрочности, ненадежности, временности всех цивилизационных усилий. Проблемы сейсмоустойчивости приходилось решать подручными методами. Во втором выпуске «Библиотечки строителя» (1957) описывается «подвижная опалубка для антисейсмического пояса», придуманную каменщиками Невельского стройуправления Радостевым и Чернявским [9, с. 26]. Заметим, что постройки послевоенного ампира (которые, хочется верить, возводили эти инициативные каменщики) благополучно пережили

а – вертикальная доминанта озерного каскада – касса лодочной станции с летним кафе

б – кафе на берегу пруда, повторяющее структуру и пропорции японского «бумажного» домика

Рис. 8. Рецепция японской архитектурной традиции в парковой архитектуре г. Южно-Сахалинска, МБУ «ГПКиО» им. Ю.А. Гагарина. Фото А.П. Ивановой, 2019

семибалльное землетрясения 02.08.2007 г., разрушившее и повредившее около пятисот зданий Невельска. Современная народная архитектура Сахалина резко отличается от материковой своеобразными пропорциями и лаконизмом.

Это лишь краткий очерк развития сахалинской народной архитектуры. Мы не пытаемся делать выводы, а просто фиксируем некоторые моменты с целью привлечь внимание профессионального сообщества и организовать комплексное обследование этого поразительного региона.

Примечания

* Сайт «Старый Сахалин». – URL: <http://oldsakhalin.ru/history/uglegorsk/140.html>

Библиография

1. Чехов, А.П. Из Сибири. Остров Сахалин. 1889–1895 / А.П. Чехов. – М.: Наука, 1978. – 926 с.
2. Ищенко, М.И. Семья русских Сахалина (конец XIX – начало XX века) / М.И. Ищенко // Краеведческий бюллетень. – 1994. – № 1. – С. 3–18.
3. Ищенко, М.И. Дом и двор русских Сахалина (конец XIX – начало XX века) / М.И. Ищенко // Краеведческий бюллетень. – 1993. – № 4. – С. 3–25.
4. Костанов, А.И. Владимировка – селение на Черной речке. Из истории Южно-Сахалинска / А.И. Костанов // Краеведческий бюллетень. – 1993. – № 4. – С. 26–55.
5. Самарин, И.А. Амбулатория в селе Кировском: Памятник истории или миф? / И.А. Самарин // Вестник Сахалинского музея. – 2016. – № 23. – С. 156–167.
6. Самарин, И.А. Сахалинский кирпич (середина XIX – первая половина XX вв.). Каталог кирпичей из музеев Сахалинской области и частных собраний / И.А. Самарин. – Южно-Сахалинск: Сахалинский обл. краеведческий музей, 2018. – 114 с.
7. Самарин, И.А. Памятники истории и культуры периода губернаторства Карафуто (1905–1945 гг.) : путеводитель / И.А. Самарин. – Южно-Сахалинск, 2015. – 167 с.
8. Пятнадцать лет дальневосточного Баку. Оха вчера, сегодня и завтра. – Оха-на-Сахалине: Сахалинский нефтяник, 1940. — 96 с.
9. Передовой опыт строителей треста «Сахалинрыбстрой» // Южно-Сахалинск: Советский Сахалин, 1957. – 45 с.

Дата поступления: 08.01.2020

Лицензия Creative Commons

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция - на тех же условиях»).

4.0 Всемирная

SAKHALIN'S CULTURAL LANDSCAPES: THE VERNACULAR AND THE NATIONAL

Ivanova Alina P.

Associate Professor, Architectural Environment Design,
Pacific State University
Russia, Khabarovsk, e-mail: iva.nova@mail.ru

UDK: 72.03

BBK: 85.113(2)

Abstract

Sakhalin is a unique cultural space that has experienced a twofold change of identity (from Russian to Japanese and back) over several decades. As such, the territory remains largely unexplored. The author, based on recent expeditions and little known (outside the Far East) sources offers a panoramic overview of local «vernacular» architecture, its development and transformation over the last century and a half, with special attention to the inclusion of the Japanese period in Sakhalin's «cultural code». The main conclusion is that the region's contemporary architecture continues to reflect both Russian pre-revolutionary and Japanese influence.

Keywords:

Sakhalin, Karafuto, vernacular architecture, cross-cultural architecture, colonization

References

1. Chekhov, A.P. (1978) From Siberia. The Island of Sakhalin. 1889–1895. Moscow: Nauka. (in Russian)
2. Lanin, V.V. (1865-1871). Album of the Amur and Ussuri Region. In three vol. Nikolaevsk-na-Amure. (in Russian)
3. Ishchenko, M.I. (1994) The Family of Sakhalin Russians (late 19th – early 20th century). Regional Studies Bulletin, No. 1, pp. 3–18. (in Russian)
4. Ishchenko, M.I. (1993) The House and Courtyard of Sakhalin Russian (late 19th – early 20th century), No. 4, pp. 3–25. (in Russian)
5. Kostanov, A.I. (1993) Vladimirovka – a Settlement on Chernaya River. From the History of Yuzhno-Sakhalinsk. Regional Studies Bulletin, No. 4, pp. 26–55. (in Russian)
6. Samarin, I.A. (2016) An Outpatient Clinic in the Village of Kirovskoye: a Monument of History or a Myth? Bulletin of the Sakhalin Museum, No. 23, pp. 156–167. (in Russian)
7. Samarin I.A. (2018) Sakhalin Brick (mid-19th – first half of the 20th century). Catalogue of bricks from the museums of Sakhalin Region and private collections. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalin Museum of Regional History. (in Russian)
8. Samarin, I.A. (2015) Monuments of History and Culture from the Governor Karafuto Period (1905-1945): Guidebook. Yuzhno-Sakhalinsk. (in Russian)
9. Fifteen years of Far-Eastern Baku. Oha Yesterday, Today and Tomorrow. Oha-on-Sakhalin: Sakhalinsky Neftyannik. (in Russian)
10. Best Practices of «Sakhalinrybstroy» Trust's Builders. Yuzhno-Sakhalinsk: Soviet Sakhalin, 1957. (in Russian)